

МАРК АГРИППА В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ 44–42 ГГ. ДО Н.Э.*

Аннотация: В статье исследуется деятельность Марка Агриппы в 44–42 гг. до н.э. в период между убийством Цезаря и битвой при Филиппах. В 44 г. он находился в постоянном контакте с Октавианом, но ничем не выделялся из его окружения, враждебно настроенного к убийцам Цезаря. Агриппа вел агитацию в пользу Октавиана среди ветеранов или солдат, возможно, – в македонских легионах, отправших затем от Антония. В источниках засвидетельствовано участие Агриппы в Мутинской войне, хотя, видимо, не на командной должности, а в штабе Октавиана. В 43 г. Агриппа обвиняет Кассия по Педиеву закону и тем самым выходит из тени и начинает самостоятельную политическую деятельность. Традиционная датировка трибуната Агриппы 43 г. не подтверждается источниками; более вероятно, что его трибунат относится к 42 г. Это был знак особого доверия Октавиана, так как Агриппа в Риме должен был защищать интересы младшего Цезаря, когда тот отправился на Филиппийскую войну. Таким образом, в 43–42 гг. Агриппа ведёт активную деятельность, но не в военной, а в политической сфере.

Ключевые слова

Марк Агриппа, Октавиан, гражданские войны, ветераны Цезаря, Мутинская война, Филиппийская война, плебейский трибунал, Педиев закон

Abstract: The article deals with the activity of Marcus Agrippa in 44–42 B.C., between the murder of Caesar and the battle of Philippi. In 44 he constantly stayed in contact with Octavian but did not stand out against the background of his retinue which was very hostile to the murderers of Caesar. Agrippa carried on the agitation for Octavian among veterans or soldiers, possibly in the Macedonian legions which subsequently deserted Antony. There are evidences in the sources about the participation of Agrippa in the war of Mutina, though he evidently did not took a position of command but was a member of Octavian's stuff. In 43 Agrippa accused Cassius under the lex Pedia and so came out of the shadow and began the independent political activity. The traditional view that Agrippa held tribunate in 43 is unsupported by sources; his tribunate more probably should be dated to 42 B.C. It was a sign of a great faith on the part of Octavian since Agrippa was to protect the young Caesar's interests in Rome while the latter departed to the war of Philippi. So in 43–42 B.C. Agrippa is active in political, not military sphere.

Key words: Marcus Agrippa, Octavian, civil wars, veterans of Caesar, war of Mutina, war of Philippi, plebeian tribunate, lex Pedia

* Хотелось бы выразить искреннюю признательность А.Л. Смышляеву за помощь в работе, ценные замечания и советы. Все оставшиеся ошибки и недочеты остаются только на моей совести. Данная статья является расширенной версией доклада, прочитанного на IV Международной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 19–21 сентября 2014 г.).

Исследователи, занимающиеся историей гражданских войн и эпохи второго триумvirата, по вполне понятным причинам в своих работах сосредотачиваются на анализе основных событий и поведения главных действующих лиц. Этот период, в особенности 44 и 43 г.г.¹, очень хорошо задокументирован в источниках, однако и в нем есть слабо освещенные эпизоды и сюжеты. В частности, это касается того, какую роль в событиях того времени играл Марк Агриппа, ближайший друг Октавиана и его будущий соправитель. Античные авторы, естественно, стремились пересказать самые главные события и по возможности подробно описать действия основных фигурантов, в число которых Марк Агриппа не входил. Несмотря на то, что этот человек впоследствии стал правой рукой Августа, а затем его реальным и формальным соправителем, несмотря на то, что он был непосредственным свидетелем окончательной гибели Республики и, по удачному выражению, Мейера Рейнхольда, «прорабом» на «стройке» Принципатата², о бурной юности блестящего полководца известно крайне мало. При этом если происхождению Агриппы, его семье и проблеме его знакомства с Октавианом уделяется достаточно серьезное внимание³, то о том, что делал друг Октавиана в период от смерти Цезаря и до 41 г., исследователи пишут довольно бегло. В силу скудости и разрозненности данных источников, современные биографы Агриппы в разделах, посвященных этому периоду, довольствуются общим описанием событий, ограничиваясь либо предположениями, либо просто констатациями, многие из которых являются довольно спорными⁴, вместо тщательного анализа имеющихся сведений. В работах, посвященных Августу или ходу гражданских войн, этому этапу жизни Агриппы уделяется еще меньше внимания⁵.

В результате вознесение Агриппы на политический Олимп из политического небытия напоминает рождение Афины из головы Зевса. Но такие метаморфозы возможны только в мифах. Каким образом и почему из нескольких друзей, находившихся с приемным сыном Цезаря, именно Марк Випсаний стал его правой рукой? Откуда у молодого Агриппы появился военный опыт, позволивший ему впоследствии успешно воевать в Перузийской войне, а затем, в возрасте 23–25 лет одерживать победы в Галлии и повторить переход Цезаря за Рейн?

¹ Все даты в настоящей статье – до нашей эры.

² *Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography.* Geneve, 1933. P. VII.

³ См. библиографию по этой проблеме: *Таривердиева С.Э.* Октавиан и Агриппа: обстоятельства знакомства и общая юность // АМА. 2013. Вып. 16. С. 134–136.

⁴ *Reinhold M.* Op. cit. P. 15–20; *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 35–45; *Hanslik R.* Vipsanius [2] // RE. 1961. R. 2. Hbd. 17. Sp. 1230.

⁵ См. напр.: *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1891. Bd. 1. S. 51; *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 10–11; *Bleicken J.* Augustus. Eine Biographie. B., 1998. S. 43–45; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009. S. 25–27; *Osgood J.* Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of Roman Empire. Cambr., 2006. P. 31–32; *Rawson E.* The Aftermath of the Ides // САН². 2008. Vol. IX. P. 471.

Почему в 44 г., узнав о смерти Цезаря, Агриппа поддержал Октавиана и вместе с ним вступил в жесткую борьбу за власть? Почему в рассказах античных авторов о страшных временах проскрипций образ полководца остается незапятнанным? Каким образом у Марка Агриппы, явно происходившего не из самой богатой семьи в Риме, в 33 г. появились средства, позволившие ему отремонтировать множество строений и улиц Города, не обращаясь к государственной казне? В каком году Марк Агриппа занимал должность плебейского трибуна?

Вероятно, не на все возникающие вопросы удастся найти ответы, однако представляется важным вновь обратить внимание на этот отрезок жизни Марка Агриппы и попытаться пролить свет хотя бы на некоторые его действия в это время. Поскольку предметом настоящего исследования является деятельность Агриппы в 44–42 гг. и эволюция (если она имела место) его положения в окружении Октавиана, хронологический способ изложения представляется наиболее удобным.

Начнем с Аполлонии, где Октавиан и Агриппа провели несколько месяцев, предшествующих смерти Цезаря.

Аппиан пишет: «Октавий был еще юношей, когда Цезарь послал его в Аполлонию, что на Ионийском море, для воспитания и обучения в военном деле с тем, чтобы Октавий сопровождал его на войне. В обучении его принимали участие прибывшие из Македонии эскадроны всадников; командиры войска посещали его часто как родственника Цезаря. Благодаря этому его знало и любило войско, и он принимал всех милостиво» (BC. III.9.30–31. Пер. О.О. Крюгера). Об этом же пишут и Дион Кассий (LXV.3.1) и Николай Дамасский, который, однако, не указывает отдельно, что Цезарь отправил туда Октавиана именно с целью обучить его военному делу (Nic. Dam. FGrHist 127 F 16).

Вместе с Октавианом там в это время находился и Агриппа, и они вместе побывали у астролога (Suet. Aug. 94.12). Эпизод с посещением астролога не вызывает особых разногласий среди историков, хотя исследователи считают, что история может быть как подлинной, так и изобретенной позднее⁶. Поскольку данный эпизод не противоречит другим сведениям источников, здравому смыслу и хронологии событий, едва ли стоит подвергать сомнению сам факт посещения юношами астролога, даже оставляя в стороне предсказания будущего величия. Интересно, что, хотя в это же время в Аполлонии вместе с ними находился и Сальвидиен Руф (Vell. II.59.5), к Феогену Октавиан и Агриппа отправились вдвоем. Возможно, уже тогда Агриппа находился с приемным сыном Цезаря в более тесных отношениях, чем Сальвидиен. Правда, можно предположить, что отсутствие Сальвидиена в этой истории объясняется его осуждением и казнью в 40 г., но в другом месте Светоний прямо называет Сальвидиена Руфа в числе друзей Октавиана, впоследствии попавших в опалу (Aug. 66: «Neque enim temere ex omni numero in *amicitia* eius afflicti reperientur praeter *Salvidienum Rufum...*»), и не совсем ясно, для каких целей могло потре-

⁶ См., напр.: *Hanslik R. Op. cit. Sp. 1230; Roddaz J.-M. Op. cit. P. 36.*

боваться исключение его имени из другого эпизода, если все равно оно упоминается этим автором.

Случайное «забвение» Сальвидиена в данном случае также вряд ли могло иметь место. Эпизод с посещением Феогена Светоний излагает очень подробно, и едва ли его источник, содержащий такие детали, как поведение Октавиана, имя астролога и присутствие там Агриппы, мог «потерять» четвертого участника событий, если он там был. Сальвидиен тоже должен был получить какое-то предсказание, пусть даже зловещее. Теоретически Сальвидиен, конечно, мог там быть, но учитывая еще и фразу Светония: «В бытность свою в Аполлонии он поднялся с Агриппой на башню к астрологу Феогену» (Suet. Aug. 94.12. Пер. М.А. Гаспарова), нет оснований это предполагать.

Учитывая совместное посещение астролога, вероятнее всего, Агриппа и Октавиан вместе же обучались и военному делу. Если Марк Випсаний в Аполлонии усердно тренировался и учился, а до этого участвовал в Испанской войне Цезаря⁷, то именно здесь, по-видимому, алмаз военного таланта Агриппы получил соответствующую огранку, позволившую ему впоследствии стать одним из величайших полководцев Рима.

Ж.-М. Роддаз, со ссылкой на Аппиана (BC. III.9.31), замечает, что своим участием в тренировках Октавиан, а также Агриппа и Сальвидиен повышали популярность Цезаря среди народа и офицеров⁸. Однако Аппиан ничего подобного не сообщает, древний историк пишет лишь о том, что приемного сына Цезаря часто навещали офицеры (τῶν οἱ ἡγεμόνες τοῦ στρατοῦ) и благодаря этому его знало и любило войско. Следовательно, именно репутация Цезаря работала на Октавиана и повышала его популярность, а не наоборот. Кроме того, из короткого замечания французского исследователя не совсем ясно, каким образом участие в тренировках Агриппы и Сальвидиена, на тот момент ничем не знаменитых, могло повысить популярность Цезаря среди кого бы то ни было.

М. Рейнхолд и Ж.-М. Роддаз считают, что Цезарь вмешивался в выбор спутников Октавиана и что он отправил Сальвидиена и Агриппу в Аполлонию, так как заметил их военный талант⁹. М. Рейнхолд, рассказывая о пребывании обоих юношей в Аполлонии, указывает, что сам тот факт, что Цезарь отправил с Октавианом двух многообещающих воинов, которые, по всей видимости, привлекли его внимание во время Испанской войны, – Агриппу и Сальвидиена, подтверждает слова Аппиана, что целью диктатора было обучение племяннику военному делу.

По мнению М. Рейнхолда, Агриппа отличился перед Цезарем в Испанской войне и поэтому тот ввел его в окружение своего внучатого племянника. Однако маловероятно, что Агриппа, которому на момент

⁷ *Таривердиева С.Э.* Указ. соч. С. 139.

⁸ *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 35–36.

⁹ *Ibid.* P. 35. N. 26; *Reinhold M.* Op. cit. P. 14.

Испанской войны было не больше 18 лет, успел отличиться перед Цезарем¹⁰.

А эпизод, рассказанный Николаем Дамаским (FgrHist. 114. F. 11), о том, как перед отплытием в Новый Карфаген Октавиан из привязанности к друзьям взял с собой на корабль троих из них (и среди них Агриппу¹¹), хотя и ожидал недовольства Цезаря по этому поводу, свидетельствует, как представляется, как раз о том, что Октавиан сам выбирал себе друзей и звал их с собой, даже не заручившись согласием Цезаря и не будучи уверенным в его одобрении. Вряд ли, конечно, в Аполлонию Октавиан позвал Агриппу, вообще не поставив Цезаря в известность, вероятнее, что он получил разрешение двоюродного деда, но изначально инициатива взять с собой именно Агриппу, скорее всего, принадлежала самому Октавиану.

Более взвешенным представляется мнение Андреаса Альфельди¹². Он пишет, что острый глаз Цезаря заметил военные таланты Агриппы и Сальвидиена, но при этом не делает выводов, что именно диктатор ввел кого-то из них в окружение Октавиана. Если так, то, возможно, Цезарь уделял какое-то внимание развитию их военных способностей, пока находился рядом с ними, и именно поэтому согласился взять их с собой на парфянскую войну.

Таким образом, судьба Агриппы с момента прибытия в Аполлонию и до дня получения известий о смерти Цезаря выглядит следующим образом: Октавиан, которого покоритель Галлии отправил в Аполлонию, взял с собой Агриппу и Сальвидиена Руфа. Марк Агриппа, к этому моменту, вероятно, уже имевший военный опыт, полученный во время Испанской войны, проводил там много времени с Октавианом и тренировался вместе с ним. Возможно, именно в Аполлонии Агриппа во многом получил необходимые навыки и знания, впоследствии позволившие ему проявить во всей полноте свой военный талант. Кроме того, там он получил возможность завязать новые знакомства с офицерами и солдатами легионов Цезаря. Кроме того, исходя из описания этих событий в источниках, представляется, что уже на этот момент Агриппа был для Октавиана несколько более близок, чем Сальвидиен Руф.

Обратимся к событиям, последовавшим за получением юношами известия об убийстве Цезаря. Николай Дамаский (FGrHist. 117. F. 16–17) описывает их довольно подробно, и в общих чертах его рассказ сводится к следующему: Октавиан получил от матери письмо, в котором она писала об убийстве Цезаря и просила вернуться в Рим. Поскольку письмо было написано сразу же после убийства, он не мог знать никаких подробностей. После этого Октавиан до утра советовался с друзьями о том, что и как предпринять и некоторые друзья советовали ему отправиться к стоявшему в Македонии войску, взять его с собой для безопасности и идти к Риму, чтобы дать отпор убийцам. Хотя

¹⁰ *Таривердиева С.Э.* Указ. соч. С. 134.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² *Alföldy A.* Octavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976. S. 27.

Николай Дамасский не называет имен этих некоторых друзей, благодаря Веллею Патеркулу мы знаем, что совет принадлежал Агриппе и Сальвидиену Руфу (Vell. II.LIX.5)¹³.

Остановимся на этом эпизоде подробнее. Николай Дамасский сообщает довольно любопытные подробности об этом совете: «...одни из друзей советовали отправиться к находившемуся в Македонии войску (ἐπὶ τὸ ἐν Μακεδονίᾳ στρατεύμα χωρεῖν), (...) взяв его для безопасности, идти к Риму, чтобы дать отпор убийцам. (...) Считали, что мстителями за Цезаря должны стать люди, пользовавшиеся при его жизни полным благополучием, люди, которым он открыл доступ к должностям и богатству, и получившие, кроме того, такие обильные дары, о каких они не могли мечтать даже во сне» (FGrHist. 117. F. 16–17. Пер. Е.Б. Веселаго с изменениями). Рассказ Диона Кассия подробностей не содержит (Dio Cass. XLVIII.3.1), а Веллей Патеркул добавляет важную деталь: «Когда Октавию сообщили об убийстве двоюродного деда, центурионы ближайших легионов обещали ему военную помощь, равно как и своих подчиненных...» (II.59.5. Пер. А.И. Немировского)¹⁴.

М. Рейнхолд, рассказывая об этом эпизоде, пишет, что Октавиан мудро отверг совет друзей, поскольку был не только неопытен, но и не знал еще о собственном усыновлении и не был уверен в отношении народа к себе¹⁵. По мнению Ж.-М. Роддаза, такой совет ясно демонстрирует революционные замыслы Агриппы и Сальвидиена, их желание, пользуясь созданным политическим вакуумом, удовлетворить собственные амбиции. При этом, с точки зрения исследователя, этот совет свидетельствует и об их политической зрелости, поскольку они быстро поняли решающую роль легионов в деле завоевания власти¹⁶.

Однако оба вывода французского историка вызывают некоторые возражения. Для начала вернемся к свидетельствам источников. Как было показано выше, Веллей Патеркул ясно пишет о том, что инициатива военной помощи Октавиану исходила вовсе не от его друзей, а от центурионов ближайших легионов. Сообщения других источников сведения Веллея не опровергают. Ж.-М. Роддаз не привел аргументов в пользу того, что информация латинского автора неверна. Учитывая сообщение Веллея, вероятно, совет друзей Октавиана выглядел не как предложение пойти и взять с собой в Рим македонские легионы, не имея на то никаких прав и не зная об их настроениях, а как совет не отвергать уже предложенной помощи.

Обратимся к вопросу о мотивации Сальвидиена и Марка Агриппы.

Николай Дамасский в процитированном выше отрывке довольно подробно излагает позицию обоих. Он пишет, что Агриппа и Сальви-

¹³ Аппиан также упоминает об этом эпизоде, но имен советчиков он не называет (BC. III.10).

¹⁴ Разговор центурионов с Октавианом – это еще одно свидетельство того, что войско на тот момент оставалось в Македонии, поскольку если бы войско уже отправилось на войну, вряд ли центурионы могли остаться в Македонии и что-то предлагать Октавиану.

¹⁵ Reinhold M. Op. cit. P. 15.

¹⁶ Roddaz J.-M. Op. cit. P. 36–37.

диен предлагали взять легионы для безопасности, для того чтобы дать в Риме отпор убийцам и что, по их мнению, те, кто был обязан Цезарю за полученные от него благодеяния, должны были теперь мстить за его смерть (сам Агриппа был обязан Цезарю по меньшей мере за освобождение брата, но, вероятно, также и за общее покровительство – позволение участвовать в Испанской войне, разрешение тренироваться и учиться вместе с Октавианом в Аполлонии и затем отправиться на войну с парфянами). Не исключено и то, что совет Агриппы и Сальвидиена подразумевал не самостоятельное развязывание войны, а, скорее, примыкание к кому-то из более сильных цезарианцев, вероятно, к Антонию (как, например, сделал в 83 г. Помпей, примкнувший со своими войсками к Сулле), – который как раз, как человек, многое получивший от Цезаря, должен теперь за него мстить. Но, конечно, можно лишь предполагать, какой именно из возможных вариантов они имели в виду.

Ж.-М. Роддаз, предполагая мотивацию Агриппы и Сальвидиена, весьма отличную от той, что указана Николаем Дамасским, вновь не приводит никаких аргументов за то, чтобы отвергать эти сведения греческого автора, он о них просто не упоминает. Поскольку Николай Дамасский считается источником предвзятым, пишущим в интересах Октавиана, а его сообщения порой игнорируются на этом основании без объяснений¹⁷, попробуем самостоятельно найти свидетельства в пользу того, что и в данном случае его сведения можно не принимать во внимание.

Первый вопрос, который возникает: откуда Дамасскому знать о том, что происходило между тремя друзьями за закрытыми дверями в 44 г. в Аполлонии, если его самого там не было? На этот вопрос можно предложить несколько ответов. По меньшей мере, и Октавиан, и Агриппа написали воспоминания, в которых мог содержаться этот рассказ. Кроме того, Николай Дамасский имел возможность общаться с Агриппой, одним из авторов этого совета, во время второй поездки того на Восток (FGrHist 4; Jos. AJ. II.3)¹⁸.

Второй вопрос: не является ли эта история пропагандистской выдумкой, изобретенной впоследствии Октавианом или Агриппой, отголоски которой и попали частично в рассказ Николая (мотивация советчиков), а частично – в сообщение Веллея (имена Агриппы и Сальвидиена)? Рассмотрим такую вероятность более внимательно.

Октавиан, как в эпоху гражданских войн, так и намного позднее, разными способами подчеркивал свою связь с Цезарем и стремление

¹⁷ Такую тенденцию отмечает и Марк Тоэр: *Toher M. Octavian's arrival in Rome, 44 b.c. // CLQ. 2004. Vol. 54. No. 1. P. 177.*

¹⁸ Подробный анализ гипотезы об автобиографии Августа как источнике сочинения Николая Дамасского и убедительные аргументы против этой точки зрения см.: *Toher M. Divining a Lost Text: Augustus' Biography and Βίος Καίσαρος of Nicolaus of Damascus // The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography. Swansea, 2009. P. 125–144 (с библиографией).*

за него отомстить¹⁹. В «Деяниях» он пишет об этой мести: «Тех, кто убил моего отца, я удалил в изгнание на законном основании, по приговору суда, отомстив им за их преступление» (RGDA. II. Пер. А.Л. Смышляева). В эпизоде, рассказанном Дамасским, картина совершенно противоположная: друзья советуют Октавиану принять помощь легионов и мстить за убийство Цезаря, а будущий Август отказывается, причем не из соображений заботы о государстве (что хотя бы теоретически могло показать его в выгодном свете), а, как пишет Дамасский, потому, что это дело показалось ему чересчур трудным и превышающим его силы и опыт, врагов было слишком много и он не был уверен в отношении к нему народа.

Можно еще предположить, что при помощи такой выдумки Октавиан желал продемонстрировать, что с самого начала желал избежать кровопролития и оставаться законопослушным гражданином, и только Марк Антоний в итоге спровоцировал его и довел до того, что пришлось набирать войска. Но в таком случае непонятно – зачем в этой идеологической выдумке порочить имя Агриппы, если можно было оставить только Сальвидиена и списать «революционные настроения» и честолюбивые замыслы на казненного предателя, который, к тому же, уже ничего не сможет опровергнуть? Кроме того, весьма скоро после того, как Антоний вынудил Октавиана набрать для собственной защиты легионеров, они уже вместе сражались против республиканцев при Филиппах, что в любом случае обесценивает намерения Октавиана оставаться законопослушным в 44 г. в Аполонии.

Таким образом, эта выдумка для образа младшего Цезаря не была полезной, в лучшем случае – она просто не имела смысла, в худшем – выставляла Октавиана нерешительным, не желающим мстить за убийство отца, а Агриппа в глазах сторонников мира должен был выглядеть революционером и честолюбцем.

Но, возможно, цель состояла в том, чтобы привлечь к Агриппе симпатии цезарианцев? Юноша здесь выступает в роли человека, который призывает мстить за Цезаря, который заботится при этом о безопасности своего друга и возмущен поступком «Освободителей».

Теоретически такой вариант возможен, но против него говорит одно соображение. Как уже было показано выше, образ Агриппы в этом случае выигрывает за счет образа Октавиана, так как в данном

¹⁹ *White P.* Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. 1988. Vol. 42. No. 4. P. 334–356; *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 36–37; *Zarrow E. M.* The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate (44 BCE – CE 14). PhD Diss. New Haven, 2007. Passim; *Kienast D.* Augustus und Caesar // Chiron. 2001. Bd. 31. S. 1–26 (с очень подробной характеристикой предшествующей историографии). Противоположное мнение см.: *Ramage E.* Augustus' Treatment of Julius Caesar // Historia. 1985. Vol. 34.2. P. 223–245. Оно убедительно оспорено в вышеперечисленных работах. См. также изображения Цезаря на монетах, которые чеканились при Октавиане: *Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambr., 1974. Vol. I. P. 535. № 535; Vol. II. P. 739–740; *Sutherland C.H.V.* The Roman Imperial Coinage. L., 1984. Vol. I. P. 44, 48 и др.

эпизоде их позиции диаметрально противоположны. Сложно представить, что Август и Агриппа, тщательно выстраивавшие систему идеологии зарождающегося принципата²⁰, намеренно придумали столь неоднозначный сюжет для достижения пропагандистских целей.

С учетом вышеизложенного, мы считаем, что нет оснований сомневаться в достоверности данного сообщения древнего историка. Неудобный с идеологической точки зрения эпизод просто может быть правдой.

Сомнительным выглядит и вывод Ж.-М. Роддаза о некой «политической зрелости» Агриппы и Сальвидиена. После гражданских войн Суллы и Мария, а затем Цезаря и Помпея едва ли нужно было обладать какой-то особой «политической зрелостью», чтобы понять, насколько огромную роль в государстве играют легионы.

Таким образом, как представляется, рассказы Николая Дамасского и Веллея Патеркула предлагают следующую картину: после получения известий о смерти Цезаря, центурионы македонских легионов предложили Октавиану свою поддержку, Агриппа и Сальвидиен убеждали друга не отвергать ее, однако он их не послушал.

Разумеется, нет никакой возможности узнать об истинной мотивации совета, который дал Агриппа. Но имеющиеся сведения, скорее, указывают на страх и растерянность, заставившие юного Агриппу посоветовать Октавиану воспользоваться для безопасности предложенной помощью македонских легионов, и его желание в благодарность за оказанные ему Цезарем благодеяния отомстить за его убийство, чем на честолюбие и революционные настроения.

Вскоре после этого Октавиан и его друзья отбыли из Аполлонии и приехали в город Лупии (App. BC. III.10; FGrHist 117 F 17)²¹. Исследователи верно отмечают, что о действиях Агриппы в это время ничего не известно, ясно лишь, что он выехал из Аполлонии вместе с другом²² (Nic. Dam. FgrHist. 117. F. 18).

Агриппа вновь выступает из тени уже в Брундизии, где, по словам Николая Дамасского, вместе с Сальвидиеном повторяет свой совет: набрать войско, только на сей раз они советуют Октавиану обратиться к колонистам Цезаря. Кроме того, источник кратко замечает, что прежде чем принимать имя Цезаря, Октавиан спросил у всех своих друзей, что они об этом думают, и после этого без промедления принял его (FgrHist. 117. F. 18). Дамасский не пишет, что ответили Октавиану его друзья, и Агриппа в частности, но, судя по совету, который

²⁰ См., напр., оценки построек Агриппы и Августа с точки зрения их идеологического контекста: *Zanker P.* Op. cit. P. 141–143; *Sumi J.S.* Ceremony and Power. Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2008. P. 190; *Mottershead G.* The Constructions of Marcus Agrippa in the West. Melbourne, 2005. P. 207–212.

²¹ Веллей Патеркул (II.59.5) и Дион Кассий (XLV.3.2) пишут о его приезде сразу в Брундизий, не упоминая о Лупиях. См. подробнее о маршруте Октавиана в это время: *Toher M.* Octavian's arrival... Passim. М. Тоэр убедительно оспаривает версию Альфёльди о маршруте Октавиана (*Alföldy A.* Op. cit. S. 46–48).

²² *Reinhold M.* Op. cit. P. 15; *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 37.

Марк Випсаний дал другу в Аполлонии, а потом повторил в Брундивии – он поддержал идею принять имя Цезаря.

Прежде чем приступить к анализу второго совета Агриппы и Сальвидиена, кратко остановимся на той информации, которой все трое обладали к этому моменту.

В этом вопросе источники солидарны: в Брундивии уже было известно об усыновлении, о подробностях убийства и понятен был примерный расклад сил. Наследник Цезаря встретил здесь весьма теплый прием от народа и солдат (Nic. Dam. FGrHist 117 F 18; App. BC. III.11–12; Vell. II.59.5; Dio Cass. XLV.3.2)²³.

Следует отметить, что, получив более развернутые сведения обо всем, что случилось и об усыновлении Октавиана, юноши не изменили своего мнения, но лишь укрепились в нем. Однако теперь они уже призывают Октавиана не просто принять предложенную помощь, а самому просить о ней колонистов Цезаря. И, что примечательно, здесь Агриппа и Сальвидиен используют другой аргумент: они говорят, что солдаты с большой охотой пойдут защищать сына Цезаря. Вновь звучит тот же мотив обеспечения безопасности, что и в Аполлонии, но теперь речь явно идет уже о том, чтобы Октавиан выступил как самостоятельная фигура.

Примечательна и причина отказа Октавиана. По словам Дамаского, младший Цезарь считал, что для таких мер еще не пришло время, а кроме того, он желал бы получить власть отца по постановлению сената и тем самым заслужить славу законного наследника, а не честолюбца. Многие в этом отказе представляется любопытным. Например, само намерение Октавиана получить от сената путем постановления «власть отца», не обращая при этом за помощью к легионам, демонстрирует его наивность и некоторое непонимание того, что представляет собой сенат и каким образом с ним следует взаимодействовать (ср.: Cic. Att. XVI.11.6). Надежда получить мирным путем от сената постановление такого рода еще могла быть оправдана при жизни Цезаря, влияния которого вполне хватало на проведение нужных ему законов, но явно не в ситуации после его убийства.

Еще более любопытной выглядит причина отказа от набора войск ввиду того, что «еще не пришло время». Значит, в Брундивии Октавиан был уже гораздо больше уверен в себе и своих шансах, чем в Аполлонии, где он отказывался по причине того, что ему не хватит сил и неизвестно, как к нему отнесется народ.

Совет Агриппы и Сальвидиена тоже выглядит уже иначе – они предлагают не просто ухватиться за протянутую руку помощи, но поднимать его колонистов на войну, под именем Цезаря и под командованием Октавиана, то есть, присоединение к кому-то из главных фигур уже не предполагается.

Очевидно, что уверенности в себе всем троим добавили вести об усыновлении, теплый прием, оказанный им в Италии народом и войском, а также более подробные известия о том, что народ в Риме во-

²³ Toher M. Octavian's arrival.... P. 180.

все не поддерживает заговорщиков²⁴. Больше ничего о действиях Агриппы в это время не известно.

Однако молодой Цезарь вновь не внял совету друзей, предпочтя мнение более опытных людей (FgrHist. 117. F. 18) (возможно, Бальба и Оппия)²⁵, и сразу из Брундизия направился в Рим²⁶.

Эти первые недели пребывания Октавиана в Италии и Риме были весьма насыщены событиями²⁷, но в настоящей работе нет возможности подробно излагать его действия, поэтому остановимся лишь на тех эпизодах, в которых явно или предположительно присутствует Марк Агриппа.

Друзей Октавиана упоминает Аппиан, рассказывая о том, как вскоре после прибытия в Рим он созвал друзей на форум и обратился к претору Гаю Антонию с заявлением, что желает принять усыновление. Этот же автор сообщает о том, что оттуда Октавиан сразу направился домой к Марку Антонию. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что и друзья отправились вместе с ним и присутствовали при первом его разговоре с Антонием (App. BC. III.14). Следует отметить, что Николай Дамасский прямо пишет о совете друзей Октавиана добиваться дружбы с Антонием и поручить ему заботу о своих делах (FGrHist. 117. F. 28). Этот совет, судя по контексту рассказа, был дан после приезда в Рим, но еще до того, как Октавиан вступил в конфликт с эдилем Критонием в апреле 44 г.

Любопытное упоминание также встречается в письме Цицерона Аттику от 22 апреля 44 г.: «Свои приветствовали его (Октавиана – С.Т.) как Цезаря (...). Так много кругом лиц, угрожающих смертью нашим; говорят, что это невыносимо» (Att. XIV.12.2. Пер. В.О. Горенштейна). Представляется, что под «своими» имеются в виду как раз друзья Октавиана, которых Цицерон называет общим местимением «sui». И под «угрожающими» оратор тоже подразумевает не Филиппа и не самого Октавиана, а тех же друзей младшего Цезаря²⁸. Ясно, что либо Цицерон непосредственно услышал от кого-то из окружения Октавиана эти угрозы, либо кто-то, услышав эти разговоры, сообщил о них Цицерону²⁹, но понять, высказывал ли их Агриппа или

²⁴ Alföldy A. Op. cit. S. 29.

²⁵ О взаимодействии Оппия и Бальба с Октавианом см.: Alföldy A. Op. cit. S. 43–48.

²⁶ В настоящей работе я исхожу из календаря и маршрута Октавиана, предложенного М. Тоэром (см.: Toher M. Octavian's arrival... Passim). Дион Кассий отмечает, что Октавиан прибыл в Рим с несколькими сопровождающими (Dio Cass. XLV.5).

²⁷ Парфенов В.Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана // АМА. 1979. Вып. 4. С. 104–109; Toher M. Octavian's arrival... Passim; Kienast D. Augustus. Prinzeps... S. 27–29; Alföldy A. Op. cit. S. 71–75.

²⁸ См.: Osgood J. Op. cit. P. 32; Shackleton Bailey D. R. Cicero's Letters to Atticus. Cambr., 1967. Vol. VI. P. 27.

²⁹ Так считает Ж. Каркопино: Carcopino J. Cicero. The Secret of his Correspondence. New Haven, 1951. Vol. II. P. 363.

кто-то другой, невозможно, ясно лишь одно – друзья Октавиана производили на Цицерона весьма неприятное впечатление³⁰.

Следующее упоминание о друзьях вновь встречается у Николая Дамасского (FgrHist. 117. F. 28), когда он рассказывает, как в июле 44 г. Октавиан вместе с друзьями и другими сопровождающими пришел к Антонию и просил у него разрешения выставить в честь Цезаря его кресло и венки. В данном случае слишком мало информации, чтобы проанализировать роль, которую сыграли тут друзья. Скорее всего, они просто выступили в качестве своеобразной «свиты» Октавиана или свидетелей, не предпринимая никаких активных действий и не вмешиваясь в его переговоры с Марком Антонием.

Рассказывая об эпизоде, когда в конце лета – начале осени 44 г. солдаты, уговорив Антония примириться с Октавианом, отправились с этой новостью к последнему, Николай Дамасский упоминает (FgrHist. 117. F. 29), что, увидев приближающихся к дому солдат, Октавиан испугался и вместе с друзьями, которые оказались при нем, поднялся на второй этаж дома и уже оттуда стал спрашивать пришедших, что им нужно. В этом эпизоде также друзья не играют никакой существенной роли, можно лишь отметить, что, по всей видимости, Октавиан находился с ними в постоянном, возможно, ежедневном контакте во время этих событий.

Друзья Октавиана присутствуют также и в рассказе Николая Дамасского о том, как Марк Антоний обвинил молодого Цезаря в том, что тот замыслил его убийство (FGrHist. 117. F. 30). По словам греческого автора, когда молодой Цезарь сообразил, что вся интрига с якобы имевшим место заговором против Антония направлена против него, он стал совещаться со своими друзьями о том, что им теперь делать. Далее Дамасский указывает, что на следующий после этого день с самого утра Октавиан, как обычно, находился среди друзей и принимал тех, кто желал его поприветствовать. В этом эпизоде друзья Октавиана снова выступают в роли его главных советчиков в важном для него вопросе.

Последний эпизод 44 г., в котором упоминаются друзья Октавиана, сообщает все тот же Николай Дамасский (подробнее о контексте этого эпизода и его последствиях см. ниже): «Он решил, что ему следует сначала испытать настроение седьмого легиона как пользующегося большим почетом. Если этот легион примкнет к нему, то и другие пойдут вслед за ним. Так он решил. С ним согласились и его друзья, участвовавшие в этом походе, а также и в последующих его деяниях. Это были Марк Агриппа, Луций Меценат, Квинт Ювентий, Марк Модиалий и Луций...» (FgrHist. 117. F. 30. Пер. Е.Б. Веселаго). Здесь следует отметить, что в этом перечне друзей отсутствует Сальвидиен

³⁰ Г. Буассье, ссылаясь именно на это письмо, даже пишет, что Цицерон боялся друзей Октавиана (Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря // Буассье Г. Собрание сочинений. СПб., 1993. Т. I. С. 372). Сходное мнение о дурном впечатлении, которое производили друзья Октавиана на Цицерона см.: *Carcopino J. Op. cit.* P. 363.

Руф, но это могло быть вызвано его последовавшим предательством и казнью. Возможно также, что он находился в отъезде.

Исходя из вышеизложенного, можно заметить, что, прежде чем принять решение по важным вопросам, Октавиан советовался со своими друзьями, в числе которых был Марк Агриппа. Друзья присутствуют рядом с ним почти во все решающие моменты этих богатых событиями дней, они дают ему советы, обсуждают с ним планы действий, сопровождают его на Форум и в дом Марка Антония. При этом бросается в глаза (как в сообщении Цицерона, так и Аппиана, и Николая Дамасского), что окружение молодого Цезаря настроено более воинственно и решительно, чем он сам.

Как представляется, ядро партии сына Цезаря начало формироваться именно из этих людей, тех, кто был рядом с молодым Цезарем в самые первые недели и месяцы, тех, с кем он непрестанно советовался, чьего одобрения спрашивал. И, вероятно, в это же время Агриппа постепенно занимает то место, на котором ему суждено было оставаться всю жизнь – место правой руки молодого Цезаря, его ближайшего друга и помощника. Следует отметить, что в перечне друзей (FGrHist 117 F 30) первым Дамасский называет именно Марка Агриппу, затем Мецената (перепутав его преномен), а остальные названные им спутники Октавиана, видимо, так и остались в тени и их дальнейшая судьба неизвестна³¹.

Таким образом, с момента приезда в Рим и до отъезда в Кампанию к легионерам Цезаря Агриппа постоянно находился рядом с Октавианом, принимал заметное участие в его действиях, давал советы и вместе с другом принимал решения по важным вопросам³².

Обратимся к следующей сфере деятельности, где заметна роль друзей Октавиана, – набору войска. Краткая хронология событий, в которых они участвовали, выглядит следующим образом. Когда Марк Антоний помешал молодому Цезарю получить должность плебейского трибуна, тот, почувствовав себя уязвленным, стал рассылать многих людей (πολλοὺς) по колониям Цезаря, чтобы те рассказали ветеранам о том, как с ним обошелся Антоний, и узнали их настроения. Также Октавиан посылал некоторых (τινας; в источнике не уточняется, друзья это были или кто-то другой) и в лагерь Антония (Ἰ Αντωνίου στρατόπεδα), чтобы они подбрасывали в толпу прокламации (App. BC. III.31.123). Судя по всему, речь идёт о македонских легионах, которые в это время находились уже в Брундизии (III.27.104; 30.119)³³. Затем ветераны в Риме заставили Октавиана и Антония примириться, но мир сохранялся недолго. В конце октября Антоний распустил слух, что молодой Цезарь на него покушался, и отправился в Брундизий, чтобы забрать

³¹ Если не идентифицировать Луция с Л. Корнифицием; об этой возможности см. ниже.

³² Аналогичное мнение высказывает и М. Рейнголд, правда, не вдаваясь в детальный анализ событий, а лишь отмечая постоянное присутствие друзей Октавиана в рассказе Дамасского: *Reinhold M. Op. cit.* P. 16.

³³ Подробный анализ рассказа Аппиана см.: *Alföldy A. Op. cit.* S. 106–107; *Osgood J. Op. cit.* P. 48; *Kienast D. Augustus. Prinzeps...* S. 29.

легионы. Поняв враждебные замыслы Антония, Октавиан решил обезопасить себя, попросив поддержки у цезаревых ветеранов VII и VIII легионов, расселенных в Кампании. Согласно Николаю Дамасскому, Октавиан посоветовался с друзьями, в числе которых был и Марк Агриппа; они согласились с его идеей и участвовали вместе с ним в этой затее (см. процитированный выше фрагмент: FgrHist. 117. F. 30). Сам Октавиан поехал в Кампанию и склонил на свою сторону ветеранов (App. BC. III.40; Vell. II.61; Dio Cass. XLV.12), а в Брундизий отправил людей, снабдив их деньгами, чтобы они прибыли туда раньше Антония и первыми увели его легионы (Dio Cass. XLV.12)³⁴.

Итак, действия Марка Агриппы представляются следующим образом. Поскольку из сообщения Дамасского ясно, что с ним Октавиан советовался перед тем, как ехать в Кампанию к ветеранам отца, Агриппа не был в первой партии агитаторов в Брундизии, а находился вместе с другом в Риме. Николай Дамасский сообщает, что друзья Октавиана, в том числе и Агриппа, участвовали вместе с ним в этом начинании, которое он называет ἡ ἀτρατεία. М. Рейнхолд полагает, что под этим выражением подразумевается Мутинская война³⁵. Таким образом, если греческий историк говорит здесь об участии друзей Октавиана в Мутинской войне, а не в поездке в Казилин и Калацию, то нам неизвестно, поехал ли Агриппа вместе с Октавианом к цезаревым ветеранам в Кампанию или отправился в Брундизий переманивать легионы Антония. Единственное соображение, которое можно привести в пользу того, что Агриппа участвовал в агитации среди македонских легионов, состоит в том, что он вместе с Октавианом в начале 44 г. тренировался в Аполлонии, и он же в марте предлагал другу принять помощь центурионов этих легионов; значит, в этих частях Агриппу уже знали, и сам он тоже их знал и, возможно, его агитация была бы более эффективной, чем со стороны человека, этим легионам незнакомого. Но данное соображение остается лишь предположением, поскольку не может быть подтверждено источниками.

Следующим крупным событием для Октавиана и его друзей стала Мутинская война³⁶. Поскольку вопрос об участии Агриппы в этой войне могут помочь прояснить всего два упоминания в источниках, сосредоточимся на них, оставив в стороне саму кампанию.

³⁴ См. также письмо Цицерона: Att. XVI.8.1–2. О расположении легионов, их количестве и иные сведения по этому периоду см.: *Brunt P.A. Italian Manpower. 225 BC – AD 14. Oxf., 1971. P. 480–481.* Подробный разбор мотивации легионеров, последовательности их присоединения к Октавиану см.: *Osgood J. Op. cit. P. 49–50; Alföldy A. Op. cit. S. 107.*

³⁵ *Reinhold M. Op. cit. P. 16. N. 27–28.* Исходя из словарного значения греческого слова ἀτρατεία такая интерпретация представляется возможной (см.: *Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. II. С. 1510; Lidell H.D., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxf., 1996. P. 1651).*

³⁶ Подробное рассмотрение событий, происходивших между набором ветеранов в Кампанию и началом Мутинской войны см.: *Fitzler K., Seeck O. Iulius (132) // RE. 1918. R. 2. Hbd. 19. Sp. 283–286; Osgood J. Op. cit. P. 50–52; Kienast D. Augustus. Prinzeps... S. 30–33.*

Первое свидетельство содержится у Николая Дамасского, где он прямо пишет о τῆς στρατείας, в которой принимал участие Агриппа (см. выше и прим. 35). Второе свидетельство представлено в Бернской схолии к Лукану: «Мутина, галльский город, где Марк Антоний, осадив Децима Брута, пытался изгнать его из провинции, хотя она была дана ему Цезарем и утверждена сенатом; но Август, победив Антония с помощью Агриппы, освободил (Децима) Брута»³⁷. Ж.-М. Роддаз пишет, что следует с осторожностью относиться к этому комментарию, поскольку здесь может иметь место позднейшая вставка или ошибка, так как больше никакие источники не сообщают нам об участии Агриппы в этой войне³⁸. Как представляется, предложенная М. Рейнхолдом интерпретация текста Николая Дамасского позволяет относиться к информации схолиаста с доверием.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что в Мутинской войне Агриппа участвовал, но возникает следующий вопрос – в каком качестве? И мог ли он осуществлять какое-то командование, чтобы можно было говорить об Antonio victo per Agrippam? Ответа на этот вопрос источники не дают, однако, учитывая, что сам Октавиан имел пропреторский империй, а командовали два консула, что Мутинская война подробно освещена в переписке Цицерона и Филиппиках и там нет никаких намеков не только на Агриппу, но и на то, что в сфере компетенции Октавиана распоряжался хоть кто-то, кроме него самого, представляется, что он должен быть отрицательным. Возможно, Агриппа занимал должность военного трибуна или даже просто находился в штабе Октавиана, но едва ли он мог обладать широкими полномочиями, когда ими не обладал даже младший Цезарь. Возможно, такая ошибка схолиаста объясняется последующими победами Марка Агриппы, потому что и о Перузийской войне, и о Сицилийской (особенно), и об Актийской (в которой, кстати, тоже был побеждён Антоний) и о некоторых внешних войнах с полным основанием можно сказать, что Октавиан выиграл их именно per Agrippam.

После Мутинской войны, в которой пали оба консула, Октавиан захватил Рим и, оказав давление на сенат, получил консульство на 43 г. вместе со своим родственником Педием. Сразу же после этого они провели закон, согласно которому убийцы Цезаря подлежали казни. На суде, происходившем на основании этого закона, Агриппа выступил обвинителем одного из лидеров заговора против Цезаря – Кассия, а Брута обвинял Луций Корнифиций (Plut. Brut. 27; Vell. II.69.5). Рассмотрим этот эпизод подробнее.

³⁷ Schol. in Lucani Bellum Civile. I.41: Mutina civitas Galliae ubi Marcus Antonius Decimum Brutum provincia a Caesare data et per senatum confirmata obsessum expellere nitebatur, sed Augustus Antonio victo per Agrippam (Decimum) Brutum liberavit.

³⁸ Roddaz J.-M. Op. cit. P. 41.

Исследователи сходятся во мнении, что Агриппа извлёк из этого обвинения материальную выгоду, получив имущество Кассия³⁹, об этом же в более общем виде сообщает и Дион Кассий, согласно которому обвинители получали часть состояния осуждённых (XLVI.49.3). Предположение Ж.-М. Роддаза о том, что именно полученное Агриппой имущество Кассия легло в основу его будущего благосостояния, представляется вполне справедливым⁴⁰.

Но интересно другое, по какой причине именно Агриппе и Корнифицию было поручено обвинение лидеров заговора? Напрашивается ответ, что таким способом Октавиан хотел подарить своим друзьям богатство, но это не объясняет распределения обвиняемых между обвинителями. Виновных в убийстве Цезаря было достаточно, чтобы Октавиан имел возможность оказать благодеяние всем своим друзьям, которые перечислены у Николая Дамасского (см. выше) и не известно, были ли именно Брут и Кассий самыми богатыми из убийц. Но зато известно, что они были лидерами заговора, самыми знаменитыми из республиканцев и именно их судьба вызывала наибольший общественный интерес⁴¹. Прежде чем попытаться ответить на вопрос, почему Кассия и Брута обвиняли именно Агриппа и Корнифиций, попробуем проанализировать, зачем вообще были проведены публичные слушания по этому делу.

В то время, когда Октавиан принял этот закон и начались обвинения убийц Цезаря, триумvirат еще не был создан (App. BC. III.95.392), и, фактически, Октавиан вынужден был опираться только на своих сторонников и имеющиеся в его распоряжении легионы. Более того, он должен был как-то противопоставить себя Марку Антонию, особенно после того, как, заявив в самом начале о стремлении мстить за Цезаря, фактически защищал на войне одного из главных его убийц – Децима Брута против ближайшего соратника своего приемного отца – Марка Антония. Как следует из письма Децима Брута Цицерону, на тот момент для легионеров Октавиана было важно за и против кого они сражаются (Cic. Fam. XI.10.4), то есть младший Цезарь мог рассчитывать на их лояльность только до тех пор, пока они считали его мстителем за Цезаря-старшего. Однако истинным наследником дела Цезаря и истинным мстителем за него после Мутинской войны вполне мог выставить себя Марк Антоний, к которому легионы

³⁹ Reinhold M. Op. cit. P. 16; Roddaz J.-M. Op. cit. P. 42. Вероятно, в состав этого же имущества входила и знаменитая вилла Фарнезина: Roddaz J.-M. Op. cit. P. 235; Coarelli F. Rome and Environs. An Archaeological Guide. L., 2007. P. 337; Clarke J. R. Augustan Domestic Interiors: Propaganda or Fashion? // The Cambridge Companion to the Age of Augustus. Cambr., 2005. P. 272; Mols S.T.A.M., Moorman E.M. La villa della Farnesina. Le pitture. Milano, 2008. P. 80.

⁴⁰ Roddaz J.-M. Op. cit. P. 42.

⁴¹ Plut. Brut. 27. Отчасти на это указывает и то, что в источниках сохранились имена только двух обвинителей, именно тех, кто обвинял Брута и Кассия. См. также об образах Брута и Кассия: Rawson E. Cassius and Brutus: The Memory of the Liberators // Past Perspectives. Studies in Greek and Roman Historical Writing. Cambr., 1986. P. 101–120.

и так были расположены и даже не хотели против него воевать (App. BC. III.42.170)⁴².

Таким образом, хотя приговор заговорщикам был предreshен заранее, этот процесс был для Октавиана чрезвычайно важен – он позволял ему повернуть в свою пользу общественное мнение⁴³, высказать публично свою позицию относительно убийства Цезаря, озвучить все свои претензии к заговорщикам, сформулировать во всеулышание свою правду, воодушевить сторонников, переманить на свою сторону сомневающихся⁴⁴, вновь доказать всем, что именно он (а не Антоний, который в свое время амнистировал заговорщиков) – настоящий наследник Цезаря и мститель за него, несмотря на то что произошло в ходе Мутинской войны. И в этих условиях основная роль ложилась именно на плечи тех, кто обвинял лидеров заговора⁴⁵.

Вернемся к вопросу о том, почему же это дело Октавиан поручил именно Агриппе и Корнифицию. Из источников видно, что Агриппа с самого начала был настроен достаточно воинственно и непримиримо по отношению к убийцам Цезаря, хотя о Корнифиции таких сведений нет. Возможно, отчасти сыграло свою роль и это, но обращает на себя внимание другой момент – из всех друзей Октавиана, которых перечисляет Николай Дамасский, только Агриппа (и, возможно, Корнифиций, если под «Луцием» имелся в виду он) достиг консульства, остальные из этого списка, судя по всему, даже не вошли в сенат. Вероятно, именно публичные выступления Агриппы и Корнифиция против заговорщиков заложили некоторый фундамент для их дальнейшей карьеры.

Сложно сказать, как было на самом деле – предполагал ли Октавиан с самого начала карьеру только для этих двух своих друзей и именно поэтому поручил им такое обвинение или же, наоборот, то, как Агриппа и Корнифиций справились с задачей, навело Октавиана на мысль продвигать их дальше по карьерной лестнице, но как бы то ни было, в 43 г. Октавиан поручил этим двоим очень сложное и политически важное дело, он дал им возможность приобрести самостоятельную известность, завоевать симпатии цезарианцев, иными словами, поручив обвинение Брута и Кассия Агриппе и Корнифицию,

⁴² Osgood J. Op. cit. P. 49.

⁴³ Судя по тексту проскрипционного эдикта (App. BC. IV. 8.31–11.44), даже когда триумвиры пользовались почти безграничной властью, им важно было настроить людей в свою пользу: больше половины эдикта посвящено прославлению памяти Цезаря и демонстрации неблагодарности заговорщиков, преступности их деяния и объяснению того, почему эти «негодные люди» справедливо заслуживают казни.

⁴⁴ Дион Кассий (XLVI.48.2) пишет, что Октавиан устроил суд для того, чтобы казалось, что он действует не только по праву силы, но и по справедливости (ἐν δίκῃ). Если древний историк прав относительно мотивов Октавиана, то речи обвинителей имели еще более важное значение, именно они должны были убедить людей в справедливости этой меры.

⁴⁵ И если Октавиан поручил это важное дело Корнифицию и Агриппе, вероятно, у него были основания полагать, что они способны с ним справиться, то есть, по меньшей мере, обладают достаточными ораторскими способностями и образованием.

младший Цезарь вывел на сцену из общей тени своего окружения именно этих двух людей и именно эти двое впоследствии сделали стремительную карьеру и получили уникальные почести⁴⁶.

Ж.-М. Роддаз, указывая на сомнительность сведений схолиаста о роли, которую сыграл Агриппа в Мутинской войне, пишет, что, возможно, Агриппа в 43 г. занимал какую-то должность в Риме, чем и объясняется молчание источников о нем за этот год. Далее автор пишет о том, что Агриппа, конечно, занимал должность плебейского трибуна (которая без датировки засвидетельствована Сервием: ad Aen. VII.682) в конце 43 г. и именно в этом качестве обвинял Кассия по закону Педия⁴⁷. Однако несмотря на почти полное согласие исследователей в вопросе о датировке трибуната Агриппы⁴⁸, представляется, что этот вопрос требует нового рассмотрения.

Т.Р.С. Броутон верно отметил, что суд над Кассием по закону Педия происходил не в Народном собрании, а в *quaestio* (App. BC. III.95.393; V.48.203)⁴⁹, и обвинители не нуждались в статусе плебейского трибуна для предъявления обвинения, а в случае процесса в *quaestio* статус плебейского трибуна скорее мог скомпрометировать Агриппу, чем помочь ему⁵⁰. Таким образом, можно констатировать, что датировка трибуната Агриппы 43 г. является результатом простой ошибки, поскольку автор данной точки зрения и те, кто последовал за ним, в качестве обоснования этой даты привлекают свидетельства источников о суде над Кассием, которые не имеют к трибунату Агриппы никакого отношения.

Более того, важное свидетельство против датировки трибуната Агриппы 43 г., как представляется, содержится в комментариях Сервия к «Энеиде»: «Агриппа (...) был спокойнейшим плебейским трибуном (*tribunus plebi quietissimus fuit*)». Сложно представить себе, что

⁴⁶ Агриппа стал консулом в 37 г., Корнифиций – в 35 г., причем оба консульства были ординарными, кроме того, Корнифиций получил право ездить на слоне по улицам Рима (Dio Cass. XLIX.7–6), а Агриппа – морской венок (XLIX.14.3).

⁴⁷ Roddaz J.-M. Op. cit. P. 41.

⁴⁸ Niccolini G. I fasti dei tribuni della plebe. Milano, 1934. P. 354–357; Hanslik R. Op. cit. Sp. 1230–1231; Reinhold M. Op. cit. P. 21; Roddaz J.-M. Op. cit. P. 41; Münzer F. Rev. on: Marcus Agrippa. A Biography by Meyer Reinhold; M. Vipsanius Agrippa. Eine Monographie by Rudolf Daniel // Gnomon. 1934. Bd. 10. Hbd. 6. P. 315. Сначала такого же мнения придерживался и Т.Р.С. Броутон (*Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic*. N.Y., 1952. Vol. II. P. 340), но затем изменил его: *Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic*. Atlanta (Georgia). 1986. Vol. III. Supplement. P. 22.

⁴⁹ То, что процесс происходил в *quaestio*, яснее всего видно из текста Аппиана, который говорит о судьях и сообщает некоторые подробности. Ссылки на другие источники, где упоминается этот суд см.: *Broughton T.R.S. Op. cit.* Vol. III. P. 222.

⁵⁰ См. дискуссии об этом: Bauman R.A. Tiberius and Murena // *Historia*. 1966. Bd. 15. Hbd. 4. P. 422–424; Jameson Sh. 22 or 23? // *Historia*. 1969. Bd. 18. Hbd. 2. P. 206, 211. Судя по всему, закон не запрещал плебейским трибунам выступать обвинителями в *quaestio*, но считалось, что им такая роль не подобает, что не мешало трибунам иногда ее исполнять.

так могли назвать трибунат, во время которого плебейский трибун выступил обвинителем Гая Кассия, виновного в убийстве Цезаря, которое повлекло за собой больше десяти лет кровопролитных гражданских войн⁵¹.

Но если датировка 43 г. неверна, то когда же Агриппа занимал должность плебейского трибуна? Уже в 40 г. он стал претором (Dio Cass. XLVIII.20.2), и дальнейшая его карьера слишком хорошо известна, чтобы могла «затеряться» такая должность. В 44 г. у него, разумеется, должности не было, в 43 г. его трибунат невозможен по вышеизложенным причинам. Остаются две возможных датировки его трибуната: 42 г. и 41 г.

Рассмотрим эти возможные датировки подробнее. Авторы биографий Агриппы согласны в том, что он участвовал в Филиппийской войне в 42 г.⁵² Однако рассмотрим подробнее текст Плиния, на который они опираются: «болезнь (Октавиана – С.Т.) при Филиппах, бегство и трехдневное пребывание больным на болоте (как рассказывают Агриппа и Меценат)...» (Plin. HN. VII.148). Как видно из приведенной цитаты, Плиний определенно свидетельствует, что Агриппа хорошо знал о болезни Октавиана после первой битвы при Филиппах и рассказал об этом в своих воспоминаниях. Но из текста латинского автора не следует, что Агриппа сам там находился. Источник допускает оба варианта: как тот, что Агриппа присутствовал на этой войне и был в эти тяжелые дни вместе с другом, так и тот, что он узнал о происшедшем уже после возвращения Октавиана в Рим. Таким образом, свидетельство Плиния не настолько однозначно, чтобы на его основании отвергать 42 г. как датировку его трибуната.

Также стоит отметить, что деятельность плебейских трибунов в 42 г. практически не зафиксирована в источниках, о них известно крайне мало, за исключением лишь закона Руфрена о статуях Цезаря в муниципиях⁵³. Возможно, этот трибунат был «тишайшим» не только для Агриппы⁵⁴.

Против 41 г. можно привести несколько более веский аргумент – участие Агриппы в Перузийской войне засвидетельствовано достаточно надежно⁵⁵, и, хотя его должность неизвестна, ясно, что он самостоятельно командовал частью войска – а плебейский трибун не мог

⁵¹ Никколини в связи с этими словами Сервия вспоминает, как Цицерон в трактате «Брут» называет тихим трибунат Луция Лициния Красса: «но трибунат его прошел так тихо (tacitus tribunatus), что если бы в этой своей должности он не обедал у глшатаая Грания и если бы об этом дважды не рассказал Луцилий, мы бы и не знали, что он был народным трибуном» (*Brut.* 160. Пер. И.П. Стрельниковой). По мнению Никколини, сходство этих пассажей показывает, что в обоих случаях имелся в виду трибунат, во время которого не происходило никаких серьезных беспорядков, никакой борьбы. См. подробнее: *Niccolini G. Op. cit. P. 356.*

⁵² *Reinhold M. Op. cit. P. 17; Roddaz J.-M. Op. cit. P. 44.*

⁵³ *Broughton T.R.S. The Magistrates... Vol. II. P. 359–360.*

⁵⁴ О деятельности плебейских трибунов 41 г. известно не больше, но зато за этот год хорошо известны действия Марка Агриппы.

⁵⁵ См. ссылки на источники: *Broughton T.R.S. The Magistrates... Vol. II. P. 375.*

покидать Рим даже на один полный день (Macrob. Sat. I.3.8). Также датировка трибуната Агриппы 41 г. заставляет предполагать еще одно нарушение обычая – нельзя было претендовать на другую магистратуру, уже находясь в должности⁵⁶. В данном же случае получилось бы, что Агриппа был избран городским претором, все еще находясь в должности плебейского трибуна.

Конечно, в это время, когда консульство получил 19-летний Октавиан, никак нельзя говорить о полном соблюдении законности, и нет сомнений, что при необходимости был бы нарушен и этот запрет.

Кроме того, как представляется, датировке 41 г. вновь препятствует свидетельство Сервия. Сомнительно, что «тишайшим» можно было счесть трибунат, во время которого плебейский трибун нарушил закон, покинул город на длительное время и командовал частью войска в гражданской войне.

Таким образом, как представляется, имеющиеся сведения скорее указывают на то, что плебейским трибуном Марк Агриппа был в 42 г.

Но возникает вопрос: почему Октавиан не взял его с собой на войну, в которой решалось его будущее? Представляется, что ответ можно найти в последующем поведении Агриппы и Августа. Впоследствии двое друзей часто «менялись» зонами ответственности – пока один отвечал за Рим и западные провинции, другой находился на Востоке. Вероятно, аналогичная ситуация имела место и здесь. Октавиан уезжал на тяжелую войну, он не мог знать, как и когда она завершится. У него в тылу оставался его враг Секст Помпей, занявший Сицилию, консулы Лепид и Планк, которым он не имел оснований доверять. Множество жителей Италии было недовольно проскрипциями и предстоящими конфискациями. Октавиану необходимо было оставить в Риме человека, на которого он мог полагаться. Вероятно, Агриппа должен был представлять его интересы – то есть оперативно решать за него самые важные вопросы, отслеживать события в Риме и немедленно на них реагировать, хотя бы в той мере, в какой это позволяли полномочия трибуна. Само назначение Агриппы плебейским трибуном именно в 42 г., тогда, когда сам Октавиан уехал на свою главную войну, представляется чрезвычайно важным. Аналогичный случай имел место в 50 г. и 49 г. до н.э., когда плебейские трибуны Курион и Марк Антоний соответственно играли для Цезаря ту же роль – они защищали в Риме его интересы, когда самого Цезаря там не было. Не исключено, что их пример подсказал Октавиану, какую должность следует предоставить Агриппе и в какой момент нужно это сделать.

Примечательно в связи с трибунатом Агриппы то, что едва Октавиан сам получил должность и вошел в сенат, как следующим он предоставил эту возможность именно Агриппе, а не, например, Сальвидиену Руфу (Dio Cass. XLVIII.33.2) (судя по тому, что Меценат и Проклей даже в правление Августа оставались всадниками, они не стре-

⁵⁶ Sumner G.V. The Lex Annalis under Caesar // Phoenix. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 247.

мились к сенаторской карьере). Едва ли можно здесь вести речь о каких-то особых заслугах Агриппы перед Октавианом на этот момент, за которые тот вознаградил его должностью. Нет никаких оснований предполагать, что в этот период Агриппа сделал для Октавиана больше, чем Сальвидиен Руф или Меценат. Можно в качестве обоснования должности привести то, что именно Агриппа обвинял Кассия, но и в этом случае выбор оставался за Октавианом, именно по его инициативе Агриппа взялся за это обвинение (Plut. Brut. 27). Интересно и то, что сразу после участия Агриппы в обвинении Кассия, Октавиан дает ему должность плебейского трибуна. Видимо, к 42 г. Октавиан еще не определился, в какой сфере Агриппа для него полезнее – в политической или военной.

Вскоре после закона Педия был создан триумвират, и последовала п проскрипций. В источниках сохранился лишь один эпизод с проскриптами, в котором участвует Агриппа. Аппиан (BC. IV. 49.210-212) рассказывает, что уже после битвы при Филиппах Марк Лоллий (будущий консул 21 г.) был внесен в списки за то, что был легатом Марка Брута и поэтому, попав в плен после разгрома республиканцев при Филиппах, он прикинулся рабом и его купил Квинт Эмилий Лепид (Барбула, также будущий консул 21 г.)⁵⁷. Однако, когда Барбула вместе с новым рабом приехал в Рим, один из его друзей открыл ему правду и он через Агриппу (δὲ Ἀγρίππα) добился, чтобы Марка исключили из списка. Ясно, что Барбула обратился к Агриппе уже в Риме, но неясно, почему именно к нему, и ответа на этот вопрос в источниках нет. Судя по тому, что Аппиан не упоминает должность, а сразу называет имя Агриппы, Барбула к нему обратился именно как к частному лицу, имеющему возможность оказать влияние на решения младшего Цезаря, а не как к плебейскому трибуну. Примечательно, что, согласно Аппиану, к Октавиану обращались именно «через Агриппу», а не, например, «через друзей». Можно предположить, что Барбула к тому времени уже был знаком с Агриппой и поэтому обратился сразу к нему, но возможно и то, что к концу 42 г. место Агриппы в окружении младшего Цезаря было очевидным, и Барбула обратился к нему именно как ближайшему другу триумвира.

Ж.-М. Роддаз в параграфе, посвященном отношению Агриппы к проскрипциям⁵⁸, высказывает справедливое предположение о том, что покровительство Агриппы в период проскрипций не всегда могло быть бескорыстным и истоки его будущего богатства могли лежать не только в имуществе Кассия, но и в некоторой прибыли, полученной им в это время. К соображениям французского исследователя можно добавить лишь то, что даже в случае с Барбулой нет оснований быть уверенными, что помощь Агриппы была бескорыстной. Аппиан этого не уточняет. Учитывая общую обстановку, царившую тогда, тесную

⁵⁷ Подробнее об идентификации этих людей см.: *Hinard F. Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985. P. 487–488; Roddaz J.-M. Op. cit. P. 545.*

⁵⁸ *Roddaz J.-M. Op. cit. P. 551–552.* М. Рейнхолд не останавливается подробно на поведении Агриппы в годы проскрипций.

связь проскрибированного с Брутом, к которому Агриппа явно не был настроен доброжелательно, вполне можно допустить, что помощь Агриппы Барбуле была небескорыстной. Больше о поведении Марка Агриппы в эпоху проскрипций ничего не известно.

Наконец, следует кратко остановиться на битве при Филиппах. Если верно предположение о том, что «спокойнейший» трибунал Агриппы пришелся не на 43 г., а на 42 г., и Марк Випсаний в этой войне не участвовал, то наблюдается любопытная закономерность. В битве при Филиппах не участвовал и второй талантливый военный из окружения Октавиана – Сальвидиен Руф, он в это время с переменным успехом сражался с Секстом Помпеем (App. BC. IV.85; Dio Cass. XLVIII.18.1–3) и командование Октавиана, по крайней мере, в первой битве, было не слишком успешным (Suet. Aug. 13). Аналогичная же ситуация повторилась и в 38 г., когда Сальвидиен Руф был уже казнен за предательство, а Агриппа был занят в Галлии: Октавиан вновь начал войну против Секста Помпея без этих двоих и вновь успехи не впечатляли (App. BC. V.88–90). Но во время Сицилийской войны с прибытием Агриппы ситуация в корне изменилась и в итоге завершилась поражением Секста Помпея (V.108–121). Возможно, такое совпадение не случайно. С самого начала, еще в Аполлонии, именно Сальвидиен Руф и Агриппа призывали Октавиана обратиться к войскам, впоследствии именно Марк Випсаний выполнял для Октавиана сложнейшие военные задачи и в итоге стал лучшим полководцем своего времени. Невозможно сказать, дал ли Октавиан этим двоим какие-то командные посты в битве при Филиппах, но, вероятно, их присутствие в его штабе и их советы могли бы оказаться ему полезными. Более успешное командование Октавиана во второй битве может объясняться тем, что у него несколько поправилось здоровье.

Таким образом, о судьбе и деятельности Агриппы в период с марта 44 г. по конец 42 г. можно сделать следующие выводы.

Военный опыт, по всей видимости, он начал получать еще под командованием Цезаря в ходе Испанской войны, затем продолжил обучение в лагере под Аполлонией, где также начал завязывать контакты с войском, а затем пополнил свой опыт во время Мутинской войны; именно эти полученные им навыки позволили ему ярко проявить себя уже во время Перузийской войны в 41–40 гг.

Агриппа в 44 г. ничем особым не выделяется из общего окружения Октавиана, которое было весьма воинственно настроено против убийц Цезаря, и находится с младшим Цезарем в постоянном контакте. Когда же положение достигает критической точки, окружение Октавиана начинает агитацию в войсках. При этом Агриппа, вероятно, приложил руку к отпадению двух македонских легионов Антония, занимаясь агитацией среди них в Брундизии.

Источники дают возможность предположить, что Агриппа участвовал в Мутинской войне. Но вряд ли он занимал там командную должность. Скорее, он просто находился в штабе Октавиана. В Филиппийской войне Агриппа участия, по-видимому, не принимал. Зато примерно в это же время в политической жизни он действовал само-

стоятельно. Когда в 43 г. Агриппа выступил обвинителем Кассия, он не только представил обществу позицию друга и укрепил его положение, но и сам вышел из тени и начал приобретать самостоятельную известность.

Несмотря на почти полное согласие исследователей в вопросе о датировке трибуната Агриппы 43 г., эта версия представляется неверной и основанной на ошибке. Сведения источников говорят, скорее в пользу 42 г.

Само назначение Агриппы плебейским трибуном именно в 42 г., тогда, когда Октавиан уехал на свою главную войну, представляется чрезвычайно важным, знаком особого доверия: Агриппа должен был защищать в Риме интересы младшего Цезаря, когда его самого там не было.

Таким образом, в 43–42 гг. Агриппа становится активным участником борьбы, притом не в военной, а в политической сфере.

Литература:

- Буассье Г.* Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря // Буассье Г. Собрание сочинений. СПб., 1993. Т. I.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. II.
- Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
- Парфенов В.Н.* Начало военно-политической карьеры Октавиана // АМА. 1979. Вып. 4. С. 104–124.
- Таривердиева С.Э.* Октавиан и Агриппа: обстоятельства знакомства и общая юность // АМА. 2013. Вып. 16. С. 132–140.
- Alföldy A.* Octavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976.
- Bauman R.A.* Tiberius and Murena // *Historia*. 1966. Vol. 15.4. P. 420–432.
- Bleicken J.* Augustus. Eine Biographie. B., 1998.
- Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1952. Vol. II.
- Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta (Georgia). 1986. Vol. III. Supplement.
- Brunt P.A.* Italian Manpower. 225 BC – AD 14. Oxf., 1971.
- Carcopino J.* Cicero. The Secret of his Correspondence. New Haven, 1951.
- Clarke J.R.* Augustan Domestic Interiors: Propaganda or Fashion? // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / Ed. K. Galinsky. Cambr., 2005. P. 264–280.
- Coarelli F.* Rome and Environs. An Archaeological Guide. L., 2007.
- Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambr., 1974. Vol. I–II.
- Fitzler K., Seeck O.* Iulius (132) // *RE*. 1918. R. 2. Hbd. 19. Sp. 275–381.
- Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1891. Bd. 1.
- Hanslik R.* Vipsanius (2) // *RE*. 1961. R. 2. Hbd. 17. Sp. 1226–1275.
- Hinard F.* Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985.
- Jameson Sh.* 22 or 23? // *Historia*. 1969. Vol. 18.2. P. 204–229.
- Kienast D.* Augustus und Caesar // *Chiron*. 2001. Bd. 31. S. 1–26.
- Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009.
- Liddell H.D., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxf., 1996.
- Mols S.T.A.M., Moorman E.M.* La villa della Farnesina. Le pitture. Milano, 2008.
- Mottershead G.* The Constructions of Marcus Agrippa in the West. Melbourne, 2005.

- Münzer F.* Rev. on: Marcus Agrippa. A Biography by Meyer Reinhold; M. Vipsanius Agrippa. Eine Monographie by Rudolf Daniel // *Gnomon*. 1934. Bd. 10. Hbd. 6. P. 314–318.
- Niccolini G.* I fasti dei tribuni della plebe. Milano, 1934.
- Osgood J.* Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of Roman Empire. Cambr., 2006.
- Powell L.* Marcus Agrippa. Right Hand Man of Caesar Augustus. Barnsley, 2015.
- Ramage E.* Augustus' Treatment of Julius Caesar // *Historia*. 1985. Vol. 34.2. P. 223–245.
- Rawson E.* Cassius and Brutus: The Memory of the Liberators // *Past Perspectives. Studies in Greek and Roman Historical Writing* / I.S. Moxon; J.D. Smart; A.J. Woodman (eds.). Cambr., 1986. P. 101–120.
- Rawson E.* The Aftermath of the Ides // *CAH²*. 2008. Vol. IX. P. 468–490.
- Reinhold M.* Marcus Agrippa. A Biography. Geneve, 1933.
- Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984.
- Shackleton Bailey D.R.* Cicero's Letters to Atticus. Vol. VI. Cambr., 1967.
- Sumi J.S.* Ceremony and Power. Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2008.
- Sumner G.V.* The Lex Annalis under Caesar // *Phoenix*. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 246–271; No. 4. P. 357–371.
- Sutherland C.H.V.* The Roman Imperial Coinage. L., 1984. Vol. I.
- Toher M.* Divining a Lost Text: Augustus' Biography and Βίος Καίσαρος of Nicolaus of Damascus // *The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* / Chr. Smith, A. Powell (eds.). Swansea, 2009. P. 125–144.
- Toher M.* Octavian's arrival in Rome, 44 b.c. // *CLQ*. 2004. Vol. 54. No. 1. P. 174–184.
- Usener H.* Scholia in Lucani Bellum Civile. Leipzig, 1869.
- White P.* Julius Caesar in Augustan Rome // *Phoenix*. 1988. Vol. 42. No. 4. P. 334–356.
- Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.
- Zarrow E.M.* The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate (44 BCE – CE 14). PhD Diss. New Haven, 2007.